

Тан Юань следовал за евнухом, обходя дворцовые ворота и проходя мимо зданий с красными стенами и зелёной черепицей. Величественные залы, словно хмурясь, с холодным спокойствием взирали на него, пока он шёл по площади перед ними. Беломраморные плиты, высокие колонны, покрытые красным лаком с позолотой, держали крышу из цветного стекла. На крыше вздымались резные карнизы, а по краям, с востока и запада, застыли два взлетающих дракона — чешуя и доспехи сверкали золотом, вырезанные дворцовыми мастерами так живо, что казалось, вот-вот рванутся в небо.

Но это богатство не манило его, а лишь давило золочёным величием, от которого не хватало воздуха. Это была клетка, выкованная из чистого золота, и всякий, кто входил сюда, рисковал сойти с ума.

— Господин Тан, сюда, — провёл его слуга. — Сегодня император особо повелел старшей принцессе присоединиться к собранию. Она вместе с наложницами сейчас у императрицы-матери. Вам — сюда.

Проводник ввёл его в небольшой дворик, где уже собралось множество родственников императорской фамилии. Среди них были и знакомые Тан Юаню лица, и множество молодёжи, которую он видел впервые. На его появление отреагировали без особого интереса: большинство смотрели отчуждённо, а кое-кто даже бросил насмешливый взгляд.

И немудрено. Годы, проведённые Тан Юанем в скитаниях по реке и озёрам в поисках противоядия, отдалили его от столичных страстей — от борьбы за заслуги и власти. Для многих он оставался никем, и даже те, кто слышал о его известности в мире бродяг, смотрели на него свысока.

Люди рек и озёр часто презирали придворных, считая их императорскими прислужниками, лишёнными истинно мужского духа и пыла. Придворные же в свою очередь смотрели на бродяг как на грубую, необузданную толпу, не способную ни на что, кроме драк и разборок.

Тан Юань не мог сказать, кто из них прав, а может, и те и другие заблуждаются. И мир рек и озёр, и двор — всё это арены человеческого противоборства. Где есть люди, там и борьба не утихает. Кто-то прикрывается высокими словами о долге перед страной и народом, но это лишь маска, чтобы скрыть низменное.

Даже он сам, считавший, что видит суть вещей, рано или поздно будет увлечён потоком событий. Что проку от высочайшего мастерства в боевых искусствах? Что даёт прозрение в будущее? Всё равно он лишь песчинка в бескрайнем людском море.

Разве что сможет сам взять в руки нити судьбы, перестав быть песчинкой, гонимой течением, а стать тем, кто взбаламутит воду и повернёт само течение.

— А это кто?

К нему подошёл человек в халате с вышитыми драконами. На его лице играла улыбка — нельзя было понять, искренняя ли она, или просто намертво приклеенная маска, которую не снимают даже на ночь.

— Ответствую Седьмому князю: это старший сын семьи Тан, Тан Юань.

— А, сын моей сестры, — протянул Седьмой князь с видом внезапного прозрения и поманил Тан Юаня. — Что ж ты один в углу стоишь? Иди-ка к дяде, познакомься с цветом столичной интеллигенции, с нашими будущими столпами.

Тан Юань знал этого человека, называвшего себя его дядей. То был младший брат его матери — дядюшка. Они виделись до отравления, но тогда тот был неудачником в борьбе за престол. Хотя жизнь ему сохранили, держали под домашним арестом, редко выпуская за ворота, так что в столице его почти не встречали.

Этот дядюшка был личностью неординарной. Говорили, он — любимый сын покойного императора, зрелый не по годам, хитрый и глубокий. Не будь ему немного невезуч, возможно, сейчас на троне сидел бы он. Но даже проиграв в борьбе за престол, он сумел выпросить у императора жизнь и с тех пор — то ли скрывал свои амбиции, то ли и вправду погрузился в праздность. Годы шли, и бдительность императора постепенно ослабевала.

Его нынешние слова могли быть насмешкой — над кем именно, было неясно. Он подвёл Тан Юаня в центр собрания и стал представлять тем родственников, которых племянник отроду не видывал. Называл их «цветом интеллигенции и столпами», но на деле это были гнилые деревья, сами того не ведающие. Непонятно, откуда император их припомнил, вот и вызвал под предлогом семейного ужина в честь Праздника середины осени.

Настоящие же носители императорской крови, близкие родственники императора, держались своим кругом, отгораживаясь от этих людей. Естественно, этот дядюшка, находившийся под негласным домашним арестом, тоже был в числе отверженных. Они, казалось, поражались, что он всё ещё жив, но были уверены: уж больших дел он больше не натворит.

Но Тан Юаню виделось, что этот князь, ещё в юности боровшийся с Небом и людьми и находивший в том удовольствие, вряд ли смирился. Худой верблюд всё же больше лошади. Тот, кто когда-то стоял наравне с нынешним Сыном Неба и даже имел перевес, разве мог, даже потерпев поражение, не оставить себе путей к отступлению? Разве сдался бы так просто?

Но положение самого Тан Юаня было ещё более щекотливым, чем у этого дяди, и ему оставалось лишь отнекиваться, пока Седьмой князь наконец не отпустил его.

— Ладно, видно, мой племянник меня побаивается. Что ж, при моём положении иначе и быть не может, — сказал Седьмой князь, похлопав его по руке опахалом, а затем лёгким движением рукояти отстранив на пару шагов.

Тан Юань лишь почувствовал мимолётное прикосновение к ладони, мельком глянул вниз и, подняв глаза, встретился со взглядом Седьмого князя. От того взгляда у него по спине пробежал холодок. У этого дяди до сих пор была столь глубокая внутренняя сила! В том взгляде ему привиделись кровавые сцены борьбы за престол, когда ещё старший принц, нынешний император, в глубокую ночь штурмовал дворец. Кровь и огонь переплелись в его глазах.

Он не сдался. Он всё ещё выжидает шанс вернуть всё на круги своя.

Тан Юань осознал: хоть он и знал, что этот человек вряд ли покорится судьбе, но не ожидал, что в нём ещё теплится такая воля к борьбе.

От этого становилось не по себе.

— Император прибывает! — Не успел он вымолвить и слова, как раздался пронзительный голос евнуха. Пришлось, как и всем, отойти к краю и почтительно склониться. Седьмой князь тоже отошёл в сторону. Когда же поднялись, Тан Юань заметил, что тот уже отступил в самый дальний угол, стараясь быть как можно менее заметным — не всмотрись специально, и не увидишь.

— Поднимитесь, верные слуги. Сегодня я собрал вас, дабы вместе отметить Праздник середины осени. Среди нас есть те, кого мы давно не видели. Не так ли, Седьмой братец? — Едва император произнёс эти слова, Седьмому князю, как бы далеко он ни спрятался, уже не уйти от внимания.

Седьмой князь ничуть не смутился. Подняв бокал, он совершил круглый поклон собравшимся. — Ваш брат мудр. Я и вправду давно не покидал своего двора, нынешний выход — словно глоток свежего воздуха. Этим бокалом я приношу извинения всем. — С этими словами он осушил бокал одним махом, и в движениях его ещё угадывалась осанка того гениального и блистательного Седьмого принца, каким он был когда-то.

Но вокруг не раздалось одобрительных возгласов. Пока император молчал, никто не смел и слова вымолвить.

После долгой паузы тот, кто восседал на троне, наконец нарушил тишину. «Хлоп-хлоп-хлоп» — раздались жидкие одинокие хлопки, и никто не посмел присоединиться. — Отлично, Седьмой братец, выпить по-прежнему не дурак, брату моему на зависть. Эй, люди! Подвиньте место Седьмого брата поближе. Раз уж собрались, сидеть так далеко — словно мы чужие.

Едва прозвучали слова, как слуги уже передвинули место Седьмого князя в самый первый ряд, направо и впереди от императора, почти вплотную к нему.

Без приказа они ни за что не посмели бы так поступить. Значит, император ещё до пира задумал это — выставить Седьмого князя у всех на виду, да ещё и унижить перед собравшимися.

Что бы ты ни делал тогда, сейчас ты лишь исполняешь то, что я велю.

Седьмой князь и вправду был личностью. Даже подвергнувшись такому унижению, он не изменился в лице, сжимая в руке опахало, спокойно подошёл и сел на своё место.

— Братец, сидеть здесь вид куда лучше, чем внизу, не правда ли?

— Верно, брат прозорлив. А с Вашего места, поди, вид ещё прекраснее? Позвольте мне поднять тост за Вас? — Седьмой князь снова налил себе полный бокал.

— Вид не сильно лучше, зато место весьма удобное, — император взглянул на него, кивнул обслуживавшему евнуху:

— Нaley до краёв. Сегодня я выпью с братом.

Император, судя по всему, переносил хмель куда хуже. Осушив бокал залпом, он подавился, согнулся пополам и закашлялся, а евнухи вокруг заметались в тревоге.